

ТЕХНОЛОГИИ В ПОЛИТИКЕ И УПРАВЛЕНИИ: К ВОПРОСУ О ПЕРЕСМОТРЕ ИХ МЕСТА И РОЛИ В СИСТЕМЕ ПОЛИТОЛОГИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ

О. А. Сиденко

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 30 июня 2014 г.

Аннотация: в статье рассматривается необходимость пересмотра привычных взглядов на место технологий в системе политологического знания и подготовку специалистов. Реалии техногенной цивилизации, информационного общества делают социальную ткань общества чрезвычайно восприимчивой к технологическому воздействию, что требует своевременной и глубокой научной рефлексии.

Ключевые слова: теория политики, прикладная политология, онтология, гносеология, технологии, технозоны.

Abstract: the author considers the necessity of revising the usual views of the role of technologies in the system of political knowledge and training. The realities of the information society make the social world is extremely receptive to technological impact, which requires forehanded scientific reflection.

Key words: theory of politics, applied policy sciences, ontology, gnoseology, technology, technological zones.

Сегодня мы живем в условиях современной техногенной цивилизации, раскрываемой содержательно в системе координат «природа – технологическая зона – общество», и буквально ежеминутно ощущаем свою зависимость от созданных людьми приспособлений. Познавательный, технический, технологический компоненты фактически приобрели решающее значение в обеспечении устойчивого развития общества. Социальные явления и процессы несут на себе отпечаток применяемых технологий, трансформирующих сложившиеся связи и отношения. «Технизация» социальных практик стала своего рода атрибутом современности. Совершенствование средств обработки, хранения, передачи информации постепенно изменяет само восприятие людьми окружающей действительности. Экономика знаний предъявляет серьезные требования к качеству социальных институтов, политических и управленческих решений, человеческого капитала; знание, в свою очередь, при ускоряющихся темпах его устаревания тяготеет к междисциплинарности, стиранию границ между фундаментальной и прикладной наукой. Все больше возникает направлений, подходов, выходящих за привычные дисциплинарные границы в организации научного и научно-практического знания. Преодоление теоретической, методологической и методической обособленности наук во многом видится как своего рода панацея, так как управление осуществляется в сложноорганизованной среде, характеризующейся не только повышенным динамизмом, но и пространственным наложением «миров», имеющих свою внутреннюю логику формирования, функционирования, свои пределы адаптации:

биогеоценозы, технозоны, сообщества людей. Следствием, однако, может стать утрата концептуальной и методологической целостности. Так, для анализа устойчиво воспроизводящихся социальных структур предлагается использовать арсенал познавательных средств классической социологии, а для исследования новых феноменов, в частности, акторно-сетевую теорию.

Необходимо отметить, что никогда ранее человечество не обладало столь мощными средствами, позволяющими преобразовать жизнь людей. Идеи, находясь в постоянном, стремительном развитии, выступают основой конструирования как мира вещей, так и социального порядка. Обратной стороной медали являются глобальные экологический и антропологический кризисы, причем с усилением искусственности организации жизнедеятельности человека возрастает влияние непредвиденных, неконтролируемых рискованных факторов. Это, в свою очередь, требует ответственного подхода, оперативной научной рефлексии, разработки адекватных познавательных средств. К примеру, жизненное пространство современной личности отличается повышенным динамизмом, усложнением структуры, тенденцией к виртуализации, в результате картина мира в сознании формируется *a la carte*, восприятие все чаще носит отпечаток манипулятивного воздействия. В то же время анализ влияния используемых технологий на сознание людей, социальную ткань бытия осуществляется со значительным лагом и, как правило, при накоплении достаточного количества проблем.

Представляется, что пришло время изменить традиционное восприятие места и роли технологий в современном социуме, особенно в политике и управ-

лении. Автономность сферы политики в данном случае способна сыграть злую шутку: эффективная последовательность операций, позволяющая политическому актору достичь поставленной цели здесь и сейчас, может стать катализатором негативных, неконтролируемых общественных изменений в среднесрочной и долгосрочной перспективе. При этом своего рода углубление разделения труда в рассматриваемой области выступает отягчающим фактором. Политики, принимающие решения, как правило, не видят ситуацию во всей ее комплексности и глубине и обладают в лучшем случае узконаправленными знаниями, умениями, навыками технологического характера. Теоретики – носители систематизированного знания – не часто имеют достаточную информацию о повседневных практиках и реальных механизмах их изменения. Политтехнологи, для которых глубокая рефлексия считается излишней, решают только поставленную задачу. Коммуникация между сторонами требует дополнительных затрат ресурсов и может претендовать на некую социетальную эффективность¹ исключительно при достаточно высоком уровне самоорганизации сообществ. Так, создание этического «кодекса», запуск «репутационного механизма» в среде политиков и политконсультантов способствуют существенному снижению доли черных технологий в политических практиках. Регулярное участие экспертного сообщества в процессе выработки политических и управленческих решений предполагает не столько наличие правовых оснований, соответствующих организационных форм, сколько взаимовыгодный обмен ресурсами, способствующий их капитализации и возникающий при относительно длинных горизонтах планирования. Однако и в этом случае остается открытым вопрос результативности такого участия. Преобладающие в настоящее время проблемное видение, проблемная коммуникация, с одной стороны, позволяют реализовывать принцип междисциплинарности, а с другой – чрезмерное сужение контекста чревато просчетами, создающими лишь иллюзию могущества. К примеру, рассматривая закон как социальную технологию, можно добиться повышения эффективности правовой регуляции конкретных общественных отношений, но только если не забывать о том, что данный закон станет частью правового поля определенной плотности и качества. На практике же эффект синергии принимается во внимание значительно реже, чем следовало бы.

Необходимо особо подчеркнуть, что восприимчивость сред жизнедеятельности и человека как биосоциального существа по отношению к направленному воздействию возросла многократно. В таких условиях

¹ Ввиду особого места политики в системе общественных отношений представляется принципиально важным учитывать соотношение именно общественных выгод и издержек, а сам политический товар относить к категории производимых с «внешними эффектами».

ответственные, дальновидные решения возможны только при замкнутой цепи *онтология – гносеология – технология*. И без релевантных изменений в системе подготовки специалистов-политологов, как теоретиков, так и практиков, с тем, чтобы первые не упускали из вида повседневность, а вторые могли видеть последствия, серьезные подвижки обеспечить не удастся.

Технологический аспект политических явлений и процессов традиционно относился к сугубо прикладному уровню политологии, призванному, прежде всего, способствовать оптимизации деятельности субъектов политики. Объяснение во многом заключается в том, что порядок вещей, элементы среды, сама проблематика повседневности, включая технологический пласт, редко становились предметом политологических исследований, нацеленных на приращение теоретического знания. Исключением можно считать работы, в которых анализу подвергаются городская среда, тоталитарные практики, феномен электронной демократии. В значительной мере российскому научному сообществу еще предстоит теоретическое осмысление феномена технологизации политики, и вряд ли оно возможно в продуктивном режиме в рамках устоявшегося деления на теорию политики и прикладную политологию [1]². Соответствующие предпосылки постепенно обретают контуры, правда, пока преимущественно усилиями исследователей, представляющих смежные науки: социологию, политическую географию и т.д.

В конце XX – начале XXI в. стали появляться труды, позволяющие включить технологии в общие гносеологические цепочки, обеспечив, таким образом, двустороннюю связь между познанием и воздействием. В 2005 г. вышла книга Бруно Латура «Reassembling the Social – An Introduction to Actor-Network-Theory», в которой была предпринята заслуживающая внимания попытка объяснить, почему существуют сети, состоящие не только из людей, но и из артефактов, организационных структур, как формируется и распадается инфраструктура «актор-сети». В плане методологии исследования французский социолог призывает следовать за акторами, «пытаться понять их зачастую

² Аналогичный вопрос в философии науки относится к разряду дискуссионных. В англоязычной литературе выделяют две модели реализации научных исследований: первая предполагает накопление традиционного академического, дисциплинарно ориентированного знания; вторая нацелена на междисциплинарность, избегание жесткой парадигмальной заданности, стирание границ между фундаментальными и прикладными исследованиями. Аргументы противников второй модели в основном сводятся к постулированию угрозы утилитаризации науки, утраты ею панорамного видения и роли источника понимания общей пользы (см., напр., [2]). Однако в сложноорганизованной технологизированной среде практическая выгода отнюдь не одинакова в краткосрочной, среднесрочной и долгосрочной перспективе. И чем дальше горизонты планирования, тем ближе акторы вынуждены подходить к тому, что принято именовать общим благом.

сумасбродные нововведения, чтобы из них узнать, чем становится в руках акторов коллективное существование, какими способами они делают его общеприемлемым, какие теории могли бы лучше всего описать те новые ассоциации, которые им приходится устанавливать» [3, с. 25]. При этом выявление внутренней логики используемых регулятивных средств, технологических цепочек могло бы существенно прояснить механизмы укоренения и распространения тех или иных связей.

Эндрю Барри в своей работе «Политические машины. Управление в технологическом обществе» раскрывает тесную, избыточную противоречиями взаимосвязь политики и технологизированного мира вещей [4]. С одной стороны, техника и технология открывают новые стороны и пространства политики, а с другой – механизмы и устройства создают серьезные ограничения в конструировании социального, привносят в политическую повестку дня свою специфическую лепту. К примеру, политика поддержки и ремонта, приобретающая особую актуальность в условиях масштабных геополитических противостояний, конфликтов и кризисов, предполагает меры, соответствующие конфигурации имеющейся инфраструктуры [5]. Это также объясняет, почему неумеренный популизм, неграмотные решения способны привести к катастрофе.

Технологии имеют внутреннее политическое измерение, обусловленное созданием и поддержанием социальных конвенций, определяющих их использование. Технологические цепочки и комплексы, в свою очередь, требуют соответствующей организации социального пространства, превращая политику в вид технократического политического администрирования. Сердцевину технологической зоны составляет совокупность отношений, в границах которых политики могут действовать функционально приемлемым образом. При этом технозоны отличаются трансграничностью, способностью формировать гибридные миры, со временем обретающие ригидность. Э. Барри считает, что такие образования практически повсеместны, но мы, ввиду отсутствия специальных знаний, часто даже не подозреваем об их существовании, не видим границ и пространственных контуров, того, кто включен и что исключено из того или иного гибридного мира. Они функционируют как своего рода острова, и плавность коммуникации, ресурсного обмена между ними способна обеспечить только политика. Показательно, что если в традиционном понимании сфера управления рассматривалась в терминах связи между нацией и национальной территорией, то в современных условиях она все больше предстает в качестве практик, ориентированных на определение, поддержание и реконструкцию технологических миров. Существенная проблема заключается в том, что технозоны не производят социальных скреп. Логика их формирования и функционирования значительно

отличается от присущей национальным политиям, создавая, таким образом, значительное напряжение в политической системе, проводя к фрагментации пространства. Британский ученый обосновывает необходимость проведения исследований, направленных на выявление реальных механизмов практик, осуществления анализа за рамками привычного институционального дискурса и традиционной политической теории. Трудно не согласиться с ним в том, что технологии в качестве интеллектуального ресурса в познавательной деятельности пока используются весьма слабо.

Крайне важно понимать, что социальное пространство в принципе не может быть выстроено, пользуясь терминологией С. Грэхэма и Н. Трифта, как «бытие-инструмент», для этого оно слишком разнообразно и подвижно. Последствия применения различных технологий зачастую неоднозначны и проявляют себя с разной скоростью. При этом и практики, и нередко теоретики из двух составляющих проблемы – какой реальностью вызываются к жизни те или иные технологии и какую реальность они сами порождают – предпочитают сосредотачивать внимание на первой. Результат вряд ли можно считать удовлетворительным. В частности, разработчики политики мультикультурализма явно переоценили возможности социальных лифтов и недооценили конфликтогенный потенциал «права на город», как обозначили притязания на доступ к городским благам и ресурсам Найджел Тифт и Эш Амин [6], прежде всего, ввиду дефицитности ресурсов и утраты гомогенности при периодически возобновляющихся попытках установления образца.

Приведем еще один пример использования работ в рамках одного из перспективных направлений исследований. В условиях современной политической коммуникации, опирающейся на способность людей сопереживать, совершенно оправданно все больше исследователей рассматривают эмоциональную составляющую политики [7; 8]. Эш Амин и Найджел Трифт, опираясь на предложенный М. Фуко концепт власти как «множественности отношений силы», устанавливающейся в той или иной области, обращают внимание на ощущения, чувства, воображение, наряду с такими ее традиционными направлениями, как управление и производство. Исследователи отмечают внутреннюю устремленность власти к всеохватности социальной реальности при наличии у населения, прежде всего, в городской среде богатого арсенала ниш, средств, технологий избегания, в свою очередь, формирующего локальные специфические режимы власти.

В подвижных, основанных на саморазвитии сетях контроля «политика воображения» играет особую роль. Воображение предстает в качестве способности представить себе перспективу, реализацию, притязания, эмоции в отношении объектов внешнего мира, а также себя в этом мире. Контролируя семиотику во-

ображения, акторы, обладающие властью и влиянием, могут либо ослаблять, либо усиливать сопротивляемость сознания в рамках тех или иных дискурсов. Последнее происходит, если мы не видим возможностей или же не хотим формировать в сознании образ [9]. Напротив, осознание возможностей открывает простор для формирования альтернативы, виртуального сотворения лучшего мира.

Дискурсивные практики так или иначе соотносятся с реальностью, миром вещей, и явное расхождение способно сформировать серьезную угрозу в среднесрочной и долгосрочной перспективах. Так, посредством нагнетания консервативной волны, использования образов врага и осажденной крепости правящая элита в современной России сузила до крайности пространство формирования альтернативы. Как следствие, мейнстрим все больше утрачивает дискуссионность, альтернатива становится уделом маргиналов, креативный класс воспринимает публичную среду как лишнюю возможность, в обществе возрождаются двойные стандарты, актуализируются установки тоталитарного сознания. При этом реальные проблемы, поставившие в повестку дня задачи модернизации, никуда не исчезли, более того, они продолжают накапливаться, обостряя имеющиеся противоречия и порождая новые. Таким образом, «политика воображения», позволившая властвующей элите снизить текущий уровень транзакционных издержек, существенно ухудшила условия выхода из кризиса управления. Постепенно обретает весьма опасные контуры социальная цена усиления в мотивационном блоке россиян химерического уровня притязаний (Ф. Робайе), отражающего компенсаторные мечтания, вызванные неудовлетворенностью жизнью, бессильем, переживанием неразрешенных эмоциональных проблем. В ситуации фрустрации коллективные цели из-за размытости критерия достижимости часто используются в качестве своего рода пластыря, при этом крушение надежд чревато либо медленной социальной деградацией, либо неконтролируемым социальным взрывом. Данный кейс отчетливо показывает все обозначенные выше проблемы: безответственность политтехнологов, эгоизм и недалекость правящей элиты, слабость экспертного сообщества, заключающаяся не только в отсутствии гражданской позиции, но и в неспособности осуществлять своевременный и глубокий анализ следствий использования тех или иных средств, приемов политического и управленческого воздействия. Усугубляют положение дефекты политической системы, позволяющие элите практически бесконтрольно проводить разномасштабные социальные эксперименты.

Воронежский государственный университет

*Сиденко О. А., кандидат политических наук, доцент
кафедры социологии и политологии
E-mail: sidenko-olga13@rambler.ru
Тел.: 8 (473) 221-27-43*

В рамках данной статьи лишь намечена проблема, поставлен вопрос о необходимости пересмотра привычного восприятия места и роли технологий в современной политике, государственном и муниципальном управлении. Новое видение с неизбежностью повлечет за собой целый ряд сопутствующих изменений и в организации научного, научно-практического знания, и в подготовке специалистов-политологов, и в конечном итоге в организации политического рынка. Необходимо особо подчеркнуть, что за исключением очевидной важности развития политологии повседневности остальные аспекты дискуссионны и требуют всестороннего, детального обсуждения.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Смирнов Р. Г.* Технологизация политики : дис. ... канд. полит. наук / Р. Г. Смирнов. – М., 2005. – Режим доступа: <http://diss.rsl.ru/diss/05/0500/050500034.pdf>
2. *Roll-Hansen N.* Why the distinction between basic (theoretical) and applied (practical) research is important in the politics of science / N. Roll-Hansen. – Mode of access: <http://www.lse.ac.uk/CPNSS/research/concludedResearchProjects/ContingencyDissentInScience/DP/DPRoll-HansenOnline0409.pdf>
3. *Латур Б.* Пересборка социального : введение в акторно-сетевую теорию / Б. Латур ; пер. с англ. И. Полонской ; под ред. С. Гавриленко. – М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. – 384 с.
4. *Barry A.* Political Machines. Governing a Technological Society / A. Barry. – London : The Athlone Press, 2001. – 320 p.
5. *Graham S.* Out of Order : Understanding Repair and Maintenance / S. Graham, N. Thrift // *Theory, Culture and Society*. – 2007. – Vol. 24, Issue 3. – P. 1–25.
6. *Amin A.* Cities : Reimagining the Urban / A. Amin, N. Thrift. – Cambridge : Polity Press., 2002. – 192 p.
7. *Emirbayer M.* Pragmatism, Bourdieu, and collective emotions in contentious politics / M. Emirbayer, Ch. Goldberg // *Theory and Society*. – 2005. – Vol. 34, Issue 5–6. – P. 469–518.
8. *Passionate Politics. Emotions and Social Movements* / ed. by Jeff Goodwin, James Jasper, and Francesca Polletta. – Chicago and London : The University of Chicago Press, 2001. – Mode of access: <http://ru.scribd.com/doc/22730966/Passionate-Politics-Emotions-and-Social-Movements>
9. *Nichols Sh.* Imaginative Blocks and Impossibility : An Essay in Modal Psychology / Sh. Nichols // *The Architecture of the Imagination* / ed. by Shaun Nichols. – Oxford : Oxford University Press, 2006. – P. 237–255.

Voronezh State University

*Sidenko O. A., Candidate of Political Sciences, Associate
Professor of Sociology and Political Science Department
E-mail: sidenko-olga13@rambler.ru
Tel.: 8 (473) 221-27-43*